

РОМАН СОКОЛОВ

Культ Александра Невского: историческая память о князе от древности до советского периода

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-1-74-99>

Roman Sokolov

The Cult of the Prince Alexander Nevsky: A Historical Memory from the Medieval Times to the Soviet Period

Roman Sokolov — State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg State University. romansokolow@mail.ru

The church veneration of the Saint Prince Alexander Nevsky began with the efforts of Metropolitan Kirill (13th century) who tried to attach special importance to the prince's funeral and emphasized Alexander's tonsure before his death. The historical experience of the prince as a political figure was relevant during the second half of the 13th century and until the 14th century. The local canonization of the prince in 1381, among other things, indicated the connection of the image of Alexander Nevsky with the Battle of Kulikovo and, through it, with prince Dmitry Donskoy. The glorification of 1547 included the historical memory of the saint into the system of state ideology of the newly created kingdom. Peter the Great's policy was a radical breakdown of the established tradition of venerating Alexander: the emperor tried to follow as much as possible the Russian Orthodox practice. Peter included the historical memory of the prince in the ideology of the empire he created. The image of Alexander Nevsky as a national hero existed in parallel with his image of a saint until 1917. In the Soviet years, thanks in large part to the film by Sergei Eisenstein, the prince was deprived of his holy image.

Keywords: Alexander Nevsky, Dmitry Donskoi, Sergei Eisenstein, Russian Orthodoxy, Russian history, historiography.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-48-04402: «Святые и герои: от христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Введение

ИСТОРИЧЕСКИЙ образ Александра Невского занимает совершенно особое место в исторической памяти современников — жителей нашей страны. Очевидным фактом является и то, что его феномен счастливо пережил потрясения бурного XX в. и вошел в наступившее XXI столетие. Об этом свидетельствует, в частности, торжественно отмеченный на государственном уровне 800-летний юбилей со дня рождения князя; едва ли можно поставить под сомнение и то, что усилия власти в данном случае в значительной степени нашли отклик у широких слоев населения, для которого средневековый русский князь по-прежнему остается одним из самых известных героев отечественной средневековой истории.

Процесс формирования подобного восприятия не однажды за последние годы привлекал внимание историков, в том числе иностранных¹. Выводы, которые ими были сделаны, далеко не во всех случаях могут быть признаны бесспорными (подробный разбор их будет представлен ниже). К тому же новейшие изыскания позволяют не только по-новому проанализировать существующую десятилетиями источниковую базу, но иногда дают и совершенно новый материал, который необходимо ввести в оборот и учитывать в новых исследованиях. Следует подчеркнуть также, что, с методологической точки зрения, наиболее верным будет проследить процесс складывания исторической памяти об Александре Невском, используя не только источники советской и постсоветской эпохи, но и данные, относящиеся к гораздо более ранним периодам. Только так возможно сформировать целостную картину, позволяющую выработать концептуальное видение развития культа Александра Ярославича и проследить процесс трансформаций его восприятия на различных этапах.

Еще один важный аспект: необходимо соотносить две «ипостаси» Александра в исторической памяти о нем — святого и собственно героя. Житие князя, содержавшее подробное описание одержанных им побед, не проводило здесь четкого разделения: для его автора, уверенного в святости описанного им героя, по-

1. См.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007; Isoaho, M. (2006) *The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint*. Leiden; Boston: Brill.

добной проблемы не существовало. В более позднее время (особенно в имперскую эпоху) светское начало в восприятии образа Александра Невского стало преобладать, а в условиях господствующего атеизма советского периода отношение к нему как к святому, по крайней мере на государственном уровне, по понятным причинам исключалось. Однако сразу после ослабления идеологического пресса (еще до 1991 г.) ситуация вновь меняется. В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, на конкретном историческом материале был проанализирован процесс «осцилляции» восприятия фигуры Александра Невского как святого и как воина на срезе от древности до советской эпохи.

Верхний хронологический предел определяется тем, что возросшая на рубеже XX–XXI вв. «популярность» князя имела своим следствием появление огромного количества материалов. Этот феномен — историческая память об Александре в постсоветское время — вне всяких сомнений заслуживает отдельного исследования.

Святой Александр Невский

Александр Невский скончался в Городце на Волге 14 ноября 1263 г., возвращаясь из очередной поездки в Орду². Уже в обстоятельствах его погребения можно без труда усмотреть первые шаги в направлении будущей канонизации почившего. Житие князя, составленное вскоре после 1263 г. (не позже начала 1280-х годов³) и содержащее, кстати, описание многих сугубо светских событий из жизни нашего героя, включило в себя и первое известие о чуде с разрешительной грамотой, которую покойный, как уверял автор, сам принял из рук митрополита Кирилла⁴. Примечательно, что именно последний, судя по косвенным данным, безусловно,

2. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962. Стб. 477; Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов (далее — НПЛ) / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 83–84, 312.
3. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Земли Русской». М.; Л.: Наука, 1965. С. 58–66; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. / под ред. А. Н. Копылова. Вып. I. М.: Ин-т русской истории. 1990. С. 36–39.
4. Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е гг. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин. 1995. С. 195.

способствовал тому, чтобы похороны Александра приобрели особенный, если можно так выразиться, из ряда вон выходящий характер. Доказательством тому служит не только сообщение о произошедшем чуде («се же бысть слышано всемъ»), но и ряд других нюансов.

В первую очередь отметим, что первоиерарх организовал торжественную встречу тела Александра. Великокняжеский статус покойного сам по себе обязывал к этому, но подчеркнем: в момент встречи печального шествия во Владимире оказались и другие архиереи: «...снемшеся *епископи* (курсив наш. — Р. С.) [...] с митрополитомъ Кюриломъ»⁵. Источник не поясняет, кто конкретно имеется в виду, но здесь могли находиться епископ из Ростова (кафедра находилась неподалеку) и его «коллега» из Новгорода (неслучайно процитированное сообщение происходит из новгородской летописи). Не исключено, что первоначально их приезд был приурочен к возвращению князя из Орды, теперь же они участвовали в его похоронах.

Кроме этого, необходимо обратить внимание на место погребения, обряд которого состоялся не в Успенском соборе, как это происходило с прежними великими князьями, а в Рождественском монастыре. Традиционно объяснение этому справедливо находят в предсмертном постриге князя, но, тем не менее, такая ситуация все равно не являлась типичной для того времени⁶. Представляется, что от внимания исследователей ускользает еще один примечательный момент: этого не могло произойти без санкции все того же митрополита, который, пребывая подолгу во Владимире, оказывался по факту для великокняжеской столицы правящим архиереем.

Вероятно, Кирилл, действительно, имел в виду будущую канонизацию Александра, которой способствовало и принятие князем иноческого образа (это могло трактоваться как добровольный отказ от власти в пользу служения Богу⁷). Рождественский монастырь традиционно был близок к владимирским архиереям: с ним были связаны первый епископ этого города Симон и по-

5. НПЛ. С. 84, 312.

6. Sirenov, A. V. (2016) "The Legitimation of the Image of the Saint: on the Issue of the Authenticity of the Relics of Alexander Nevsky", *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (19): 101.

7. См.: Абраменко Н. М. Образ Александра Невского в древнерусском искусстве // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах / Науч. ред. Ж. Г. Белик, Р. А. Соколов. М.: Лето, 2021. С. 498.

гибший в 1238 г. Митрофан. Появление в главном соборе обители могилы великого князя-монаха должно было, с одной стороны, подчеркнуть присущий ей особенный статус, а с другой — вознести на новую высоту авторитет почившего. В данном случае митрополит действовал скорее всего искренне, поскольку считал жизнь князя праведной. Подтверждением тому служит их многолетнее политическое сотрудничество⁸, частью которого стали поход 1256 г. и их общее содействие вечевым восстаниям 1262 г., после которых Александр и отправился в свою последнюю поездку к хану.

Евгений Евсигнеевич Голубинский обозначал три ступени канонизации святых в Русской церкви. Первой из них как раз и было своего рода прославление «де-факто», то есть признание церковной властью почитания подвижника на уровне храма, прихода или монастыря. После этого следовала канонизация на уровне епархии (вторая ступень) и, наконец, общерусская⁹. Едва ли будет ошибкой утверждать, что благодаря предпринятым митрополитом усилиям первый из этих шагов был успешно пройден: похороны Александра получили особенный статус, местом погребения князя стал монастырь, было составлено житие, содержащее (что важно!) сообщение о произошедшем при гробе почившего чуде. Очевидно, что акцент в данном случае во многом был сделан на монашестве князя, хотя значительная часть жития посвящена его подвигам, совершенным не на поле духовной брани, а в сражениях. Последний аспект, ставший отражением жизненного пути князя-воителя и полководца, как представляется, имел большую значимость в будущем.

Александр Невский — один из героев Куликовского цикла

В 1380–1381 гг. в церковном почитании Александра обозначился новый этап: после еще одного чуда — помощи князя «своему сроднику» Дмитрию на Куликовом поле — митрополитом Киприаном было принято решение об открытии мощей, которые оказались в нетленном состоянии и у них стали происходить но-

8. Соколов Р.А. Александр Невский и Русская Православная Церковь // Александр Невский. Государь, дипломат, воин / сост. В. И. Уколова; отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Р. Валент, 2010. С. 181–196.

9. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1998. С. 41.

вые чудеса¹⁰. Подчеркнем, что поводом для извлечения останков из-под спуда стала *военная* помощь князя-инока, то есть его святость все-таки связывалась и с воинской «ипостасью».

Алексей Владимирович Сиренов в недавнем исследовании поставил под сомнение возможность описанных в житие событий, приуроченных автором к открытию мощей Александра после Куликовской битвы. Как считает историк, первоначально его тело вообще не было захоронено ниже уровня земли, а положено в белокаменный саркофаг, где находилось до 1491 г., после чего серьезно пострадало от случившегося пожара. По мнению ученого, важно, что в известии об этом бедствии говорится именно о теле, а не о мощах¹¹. Проанализируем соответствующее летописное сообщение: «Згоре град Володимерь весь и с посады, и церковь Пречистые Рожество в монастыре внутри града выгоре, и *тело* (курсив наш. — Р. С.) великого князя Александра Невского згоре» (1491 г.)¹². О мощах в этом тексте, действительно, не сказано, но противоречия с информацией о вскрытии могилы князя и его прославлении по инициативе митрополита Киприана здесь все же нет. В XV в. под словом «мощи» понимали именно костные останки, в противоположность «телу», сохранявшему собственно плоть. В частности, относительно найденных в ходе строительства нового Успенского собора в Москве (1472 г.) останков в летописи сказано: «Иону целу суща обретоша... Фотея же цела суща не всего, едины ноги толико въ теле, а Кипреяна всего истлевша, едины мощи»¹³. То есть цитированное выше место из летописи, используя современную лексику, нужно понимать в том смысле, что в 1491 г. от пожара пострадали нетленные мощи Александра.

Таким образом, информацию о вскрытии мощей Александра в начале 1380-х гг. и, соответственно, о связи этого события с его «заступничеством» в военном отношении сбрасывать со счетов представляется преждевременным. С другой стороны, абсолютно неверна предпринятая недавно попытка связать с Куликов-

10. Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1913. С. 27 и др.

11. Sirenov, A. V. "The Legitimation of the Image of the Saint: on the Issue of the Authenticity of the Relics of Alexander Nevsky", p. 103.

12. ПСРЛ. Т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 221, левый столбец; ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962. С. 291.

13. ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 195. См. также Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 298 и др.

ской битвой создание жития Александра. Автор соответствующей статьи предположил, что оно было написано после Куликовской битвы и тогда же попало в Лаврентьевскую летопись, которая, как он считает, была составлена «как раз в эти годы»¹⁴. Разумеется, рассматривать серьезно подобную «версию» невозможно, поскольку этот летописный памятник был создан ранее «Мамаева побоища» — в 1377 г.

Включение в житие Александра описания чуда, о котором шла речь выше, одновременно способствовало сближению исторической памяти о нем с восприятием исторической деятельности Дмитрия Донского, который, напомним, долгое время не был канонизирован, сохраняя статус светского национально-героя-воина.

Такое сближение произошло далеко не случайно, ведь государственный исторический опыт Александра был актуален уже в XIV в., а родство с ним по прямой линии становилось дополнительным аргументом в борьбе за обладание великим княжеством. Особенности усилия для укрепления этого положения прилагали, начиная еще с Ивана Калиты, князя Московского дома:

Крупная и яркая сила Александра Ярославича грозит переломить в сознании следующего поколения представление о преемстве по Ярославе Всеволодовиче и выдвинуть новую тенденцию, новые притязания на исключительное преемство по Александре его потомков помимо боковых линий Ярославова дома¹⁵.

Это обстоятельство заставило в начале 1360-х гг. суздальских князей, чей род происходил от Андрея Ярославича — младшего брата Александра, организовать подлог-мистификацию. Суть мистификации состояла во внесении в собственное родословие и в летописный текст «коррективы»: в замене отчества упомянутого выше Андрея на «Александрович», что автоматически «делало» его не братом, а сыном знаменитого победителя шведов и немцев и, соответственно, самих суздальских князей — прямыми потомками Невского героя¹⁶. Таким образом, уже в тот

14. *Нестеренко А. Н.* Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 107, 113, прим. 35.

15. *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. СПб.: Богородский печатник, 1998. С. 69.

16. *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и Российский трон. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 29–30, 33–35.

период можно проследить стремление правителей-Рюриковичей подчеркнуть тесную связь с исторической памятью об Александре Невском.

Кстати, знаменитое прозвание «Невский» князь получил в начале XV в. (вероятно, в 1406–1417 гг.)¹⁷, то есть вскоре после Донского побоища. Безусловно, необходимо подчеркнуть и то, что новое почетное имя Ярославича, данное ему по гидрониму (Неве, где он одержал свою победу над шведами), отчасти аналогично появившемуся позже прозванию его праправнука Дмитрия в память уже о его «виктории» — все той же Куликовской битве¹⁸.

Александр Невский — национальный герой Единого Русского государства

На новый уровень почитание Александра Невского вышло в 1547 г. после общерусской канонизации, состоявшейся на одном из макарьевских соборов. Разумеется, это событие было связано с принятием государем — Иваном Грозным — царского титула и необходимостью подчеркнуть древность династии, к которой он принадлежал. Родством с Александром царь явно гордился и даже напоминал об этом в переписке своему непримиримому оппоненту А. М. Курбскому¹⁹. Отметим, что государь, «предъявляя» список своих предков, не делал акцента на тех из них, кто считался принадлежавшим к сонму святых. В частности, в этом перечне находим имена отца и деда первого русского царя и все того же Дмитрия Донского. Это указывает на то, что и Александр оказался в данном списке в первую очередь не столько как святой, сколько как выдающийся государственный деятель, то есть как исторический герой в прямом смысле слова.

В этот период еще более обозначился «светский» аспект почитания святого Александра Невского, что свидетельствовало о первых попытках «включить» его образ в государственную идеологию, которая в силу персонифицированности власти монарха была тесно связана именно с личностью последнего. Справедливо связать с этим значение, которое придавала деятельности кня-

17. Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 186.

18. Там же. С. 188.

19. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.: Наука, 1993. С. 12, 53, 62.

зя Степенная книга: Ярославичу была отведена восьмая степень, а небольшие вставки, так или иначе касающиеся его личности, оказались «рассыпаны» по тексту этого памятника²⁰.

Таким образом, некоторые весьма заметные светские черты были включены в исторический образ Александра Невского уже в первые века после его кончины. Это, как было показано выше, можно проследить, но тем не менее основой исторической памяти о князе по-прежнему оставалось духовное начало: мысль о Ярославице как о святом. Даже государственная власть в лице царя акцентировала внимание именно на этом аспекте. По-другому в ту, далекую от секулярности, эпоху, конечно, и быть не могло: это был больше святой, чем герой.

Церковь придавала большую значимость почитанию мощей Александра, доказывая, в частности, их сохранность после случившихся во Владимире пожаров. В этом контексте следует рассмотреть созданную в 1591 г. Ионой Думиным новую редакцию жития князя, в которой сообщалось о чудесном спасении нетленных останков от огня разразившегося в 1491 г. пожара²¹. Вероятно, Иона изначально и взялся за перо, имея в виду 100-летнюю годовщину со дня этого печального происшествия и желая показать, что мощи от него чудесным образом не пострадали²². Учитывая вышеизложенное, нельзя согласиться с мнением М. Исоха, согласно которому данная редакция жития была написана как отклик на борьбу со шведами²³. Примечательно, что, описывая моление во Владимире перед походом на Казань Ивана Грозного, Иона Думин не упомянул чудес, связанных с победоносным Казанским взятием²⁴.

В течение XVII в. церковный культ Александра Невского не утратил тех черт, что обозначились к началу столетия; не исчезла и его связь с государственной властью, хотя говорить о значительных масштабах почитания этого святого все же не приходится. Около 1607 г. (не позже 1613 г.) во Владимирском Рождественском монастыре появляется первая из-

20. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб.; М.: Альянс-Архео, 2010. С. 167–168 и др.

21. Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. С. 105–106.

22. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 187.

23. Isoaho, M. *The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint*, pp. 356–357.

24. Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. С. 106.

вестная нам Александро-Невская церковь²⁵. Около 1630 г. такой храм фиксируется источниками в Московском Кремле над Тайницкими воротами, возле него в день памяти святого (23 ноября) проходили торжественные крестные ходы. Следует вспомнить и о созданной в начале XVII в. знаменитой житийной иконе Александра, происходящей из собора Василия Блаженного (храм Покрова-на-Рву, Входиоерусалимский придел)²⁶, о других образах святого, относящихся к этому столетию²⁷, а также о заботах первых Романовых (включая Петра в первые годы его правления) относительно украшения раки Александра Невского²⁸.

Представителям новой династии, конечно, было памятно, что один из их предшественников — Василий Шуйский — использовал в качестве аргумента для своих притязаний на престол мнимое прямое родство с князем²⁹. В этой связи со стороны Романовых было разумно демонстрировать бережное отношение к исторической памяти об Александре. Некоторые из мероприятий в этом отношении можно трактовать уже почти полностью в ключе светской исторической памяти о князе как о правителе. Это касается, например, размещения его портрета на страницах знаменитых «Титулярников». Обратим внимание и на то, что его миниатюрное изображение на одном из них — «Царском титулярнике» — очень напоминает находящийся там же портрет Дмитрия Донского³⁰.

В XVI—XVII вв. усиливалась память о князе в обществе, о чем свидетельствует повышенный интерес к нему со стороны книжников. По подсчетам Ю. К. Бегунова, из пятнадцати созданных

25. Шляпкин И. А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915; Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 3. Владимир, 1864. С. 9–10.

26. Об этой иконе подробно см.: Бегунов Ю. К. Образ Александра Невского в станковой живописи XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXII / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Наука, 1966. С. 311–326.

27. Абраменко Н. М. Образ Александра Невского в древнерусском искусстве. С. 530–577.

28. Тихонравов К. Н. Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир: Фолиант, 2002. С. 41; Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря. С. 31–35.

29. Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. С. 35.

30. Отдел рукописей РНБ. Ф. 885. ОР Эрм. 440. Корень Российских государей: Лицевая рукопись. (Царский титулярник) 1673 г. Л. 26, 30.

в допетровское время редакций Жития семь приходится на этот период³¹. Однако следует подчеркнуть, что масштабного размаха (подобного более позднему периоду) ни строительство храмов в его честь, ни написание его икон не приобрело.

Александр Невский в Российской империи

Ситуация резко изменилась в эпоху реформ Петра Великого, но для такой перемены существовали и определенные исторические предпосылки. В историографии вопрос о трансформации культа Александра Невского в петровскую эпоху рассматривался не единожды³². Ученые касались вопроса о переносе мощей князя в Санкт-Петербург, отмечали важность установления новой даты его почитания, совпадавшей с днем заключения Ништадтского мира (30 августа), обращали внимание и на установление нового иконописного канона, впредь предусматривающего изображения князя в светских одеждах правителя-воина. Все это, вне всяких сомнений, способствовало прочному включению образа князя в идеологию империи, с которой он теперь оказался в неразрывной связи, становясь одновременно и святым, и героем. Однако стало ли это некой исключительной новацией или определенные волей Петра Великого нововведения в практике культа Александра имели ранее уже сформированную основу?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к рассмотрению фактов; при этом, дабы не повторять сделанных ранее коллегами выводов, остановимся лишь на тех моментах, которые, как представляется, ускользнули от исследователей.

Во-первых, подчеркнем, что личный интерес к деяниям князя существовал у будущего первого русского императора задолго до его «славных дел», в частности, до войны со Швецией. Об этом свидетельствует то, что второй из его сыновей, родившийся в 1691 г., был назван в честь Александра Невского. В этом

31. См.: *Бегунов Ю.К.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 164.

32. *Соколов Р.А., Мещенина А.А.* Историческая память об Александре Невском в эпоху Петра I и его преемников // *Canadian-American Slavic Studies*. 2018. Vol. 52. Is. 4. Pp. 369–385.

по какой-то причине усомнился немецкий историк Ф.Б. Шенк³³, но обращение к документам подобный скепсис легко снимает³⁴.

Во-вторых, перенесение мощей святого, осуществленное в 1723–1724 гг., не было актом волюнтаризма царя, поскольку подобная практика полностью соответствовала православной традиции, к тому же за основу всего действия был взят чин аналогичного перенесения мощей святителя Филиппа с Соловков (1652 г.)³⁵. Для Петра было важно сохранить легитимность всего действия в глазах народа; неслучайно современники-иностранцы усматривали в перенесении останков князя стремление угодить народным массам, показав свою приверженность практике почитания святых³⁶. Только так новые черты памяти о святом — его связь с империей, династией и новой государственной идеологией — могли способствовать еще большему распространению почитания Александра.

В-третьих, определенная основа существовала и для упомянутого выше нового иконописного канона, утвержденного указом Синода от 15 июня 1724 г.³⁷ Иконописные изображения князя в образе светского правителя встречались и до этого³⁸. Здесь следует добавить, что в имперскую эпоху в церквях иногда продолжали использоваться иконы, на которых князь был представлен как инок³⁹. Однако, разумеется, сомнений в том, что именно указ 1724 г. определил главную тенденцию иконографии Александра, конечно, нет. Более того, эта тенденция остается актуальной и в наши дни, поскольку среди верующих остаются наиболее

33. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). С. 162, прим. 5.

34. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. III. 1689–1699. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 116, № 1419.

35. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. III. 1723. СПб.: Синодальная тип., 1875. С. 102, № 1065.

36. Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 424.

37. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. IV. 1724–1725, января 28. СПб.: Синодальная тип., 1876. С. 148, № 1318.

38. Мироненко Д. Г. Образ Александра Невского в русском искусстве XVI — начала XXI вв. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, 2021. С. 79–81, 88–94.

39. Соколов Р.А. Жизнь после смерти: прославление Александра Невского в лике святых // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах / Науч. ред. Ж.Г. Белик, Р.А. Соколов. М.: Лето, 2021. С. 232, 234.

популярными иконы, представляющие князя в образе правителя-воина (подобные иконы современного письма можно встретить и у старообрядцев).

В-четвертых, возможно, еще большее, нежели деятельность Петра, значение в приобретении культом Александра Невского светских черт сыграли действия преемников императора, проводивших все новые и новые мероприятия, направленные на это. Учреждение ордена Александра Невского в 1725 г., установление ежегодного крестного хода его кавалеров в столице, корабли русского флота, названные в честь князя, создание серебряной раки с прославляющими деяния Петра строфами М. В. Ломоносова, художественные произведения, из которых наиболее характерной оказалась картина Г. И. Угрюмова, где Ярославич представлен в образе любимого внука Екатерины II Александра⁴⁰, — все это лишь малый перечень мероприятий, осуществленных в XVIII в. В следующем столетии царствование трех соименных князю императоров обусловило еще большее укрепление памяти о нем. Постоянно возрастало количество храмов в его честь, посвященных ему икон и проч. Многочисленные покушения на Александра II, а затем и его трагическая гибель, крушение в Борках поезда Александра III, отмена крепостного права, визит в какой-либо город одного из императоров, — все это становилось поводами для строительства таких церквей и часовен, написания образов. Трактовать это исключительно как церковное почитание святого Александра Невского нельзя, поскольку выражение почтения к его памяти (например посредством строительства очередной церкви) было, помимо прочего, демонстрацией верноподданических чувств. Князя считали своим покровителем военные и дипломаты, а его связь с монархическими институтами стала очевидной. По сути дела, можно отчасти говорить о том, что Александр Невский — государственный герой постепенно вытеснял Александра Невского — святого. Способствовали этому и постоянно усиливавшиеся секулярные тенденции в обществе.

Разумеется, это не отменяло почитания святого князя массой православного населения, но активное использование его образа властью неминуемо должно было иметь важные последствия в случае революционных потрясений, которые и произошли в течение и после 1917 г.

40. Григорий Угрюмов. 1764–1823. Выставка (2014–2015): каталог выставки / ред. А. Лакс. СПб: Palace Editions, 2014. С. 8–9.

Историческая память об Александре в советский период: политическая конъюнктура и исторические истоки

В первые месяцы и годы существования советской власти вопрос об отношении к Александру Невскому упирался в проблему целесообразности вскрытия его мощей (вспомним: с начала 1918 г. государством была инициирована кампания по «освидетельствованию» останков святых (так называемая «мощейная эпопея») и изъятию серебряной раки, в которых они хранились в Александро-Невской лавре. Недавно эта проблема была подробно рассмотрена автором настоящих строк на основании вновь открытых архивных документов⁴¹. Сейчас важно заострить внимание лишь на том, что, если исключить тему вскрытия и изъятия мощей, конфискации раки и ее последующей утилизации (вопрос ставился и таким образом), сюжеты, связанные с Александром Невским, в советской печати вообще не рассматривались. Не публиковались посвященные ему статьи, не создавалось новых произведений искусства. Пожалуй, единственным исключением стали вышедшие в 1919 г. публикации антирелигиозного активиста Горева (псевдоним бывшего священника М. В. Галкина), пытавшегося обосновать антинаучную идею о том, что царское правительство каким-то образом формировало «конкуренцию» между культами святых Сергия Радонежского и Александра Невского. Целью якобы было подчеркивание значения столичного Санкт-Петербурга в противовес Москве⁴². Впрочем, и у этой «теории», брошенной в 1919 г., была все та же плохо скрытая цель: ускорить вскрытие хранящихся в Петрограде мощей князя. Более «значительных» публикаций об Александре вплоть до 1937 г. выявить не получается: он как будто исчез. Стороной и самого Александра Невского, и Ледовую битву умудрялись обходить даже авторы выходящих в Пскове краеведческих книг⁴³.

41. Соколов Р. А. Вскрытие мощей Александра Невского: «актуальные» фальсификации уголовного дела 1922 года // Богослов.ру. 1.10.2021 [https://bogoslov.ru/article/6170493, доступ от 20.11.2021].

42. Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский. (Опыт историко-критического исследования). Окончание // Революция и Церковь. 1919. № 6–8. С. 33.

43. Филимонов А. В. «Ледовое побоище» в псковской краеведческой литературе 1920–1930-х годов // Святой благоверный князь Александр Невский: история и современность. Мат-лы VII Международных Александро-Невских чтений. 15–16 июня 2016 г. / под ред. А. В. Филимонова. Псков: Псковский государственный университет, 2016. С. 21.

Причиной тому как раз и был прежний статус Александра — покровителя династии и героя, включенного в государственную идеологию «старого режима»; разумеется, в новых условиях все это утратило актуальность. Религиозная же составляющая почитания князя оказалась и вовсе исключенной из государственного дискурса вследствие установившейся практики воинствующего атеизма. Отрицательное значение имело и общее пренебрежительное отношение к древней истории, проникшее, к сожалению, даже в стены высшей школы: темы Средневековья стали «немодными»⁴⁴. На рубеже 1920—1930-х гг. после окончания Академического дела отпраздновали свой триумф над «буржуазными» историками представители «школы» М. Н. Покровского⁴⁵.

Ситуация в стране менялась, однако, очень быстро. В 1932 г. скончался М. Н. Покровский, сразу после смерти его жестко раскритиковали, в том числе прежние последователи. Страна окончательно отказалась от курса на ожидание мировой революции и приступила к построению социализма изолированно⁴⁶. Это, разумеется, вело за собой и актуализацию патриотических ценностей. В 1934 г. было опубликовано совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», а в 1937 г. издан учебник по истории для школы под редакцией Шестакова, в котором оказались совмещены прежде казавшиеся несоединимыми вещи: величие прошлого нашей страны и уверенность в вечности революционных идеалов⁴⁷.

Тем не менее, «очередь» Александра Невского настала далеко не сразу. Прежде вспомнили К. Минина и Д. М. Пожарского, Дмитрия Донского, знаменитых полководцев имперского периода. А ведь к тому моменту были уже напечатаны соответствующие места из «Хронологических выписок» К. Маркса, в которых позитивно оценивались победы русского князя над рыцарями.

Находящийся в эмиграции Г. П. Федотов объяснял это тем, что власть не может включить в идеологическую систему почитаемо-

44. См. *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX в. // *Отечественная история*. 1994. № 3. С. 143–158.

45. Подробно см.: *Брачев В. С.* «Дело историков». 1929–1931 гг. СПб.: Нестор, 1997.

46. См.: *Сталин И. В.* К вопросам ленинизма // *Сталин И. В. Вопросы ленинизма*. М.: Госполитиздат, 1947. С. 136–145.

47. Постановление Жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // *К изучению истории*. Сборник. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1946. С. 31–38.

го святого, и потому, по его мнению, едва ли герой Ледовой битвы когда-либо станет патриотическим символом в СССР⁴⁸.

По всей видимости, доля истины в словах Г. П. Федотова имела: советские идеологи действительно не знали, как лучше подступиться к образу князя, имевшего до революции статусы и святого, и покровителя династии. Окончательно снять эту проблему суждено было С. М. Эйзенштейну.

История создания кинофильма «Александр Невский» ранее стала темой монографического исследования⁴⁹, и повторять сделанные в нем выводы едва ли имеет смысл. В рамках настоящей статьи целесообразно рассмотреть, как виделись режиссеру возможные средства для представления Александра исключительно как светского героя, что подразумевало максимально возможный уход от присущей ему прежде ипостаси святого.

Говоря об этом, следует подчеркнуть, что подход к сценарию и будущему фильму был именно таким: духовным подвигам здесь места нет. Исполнитель главной роли Н. К. Черкасов позже вспоминал, что Эйзенштейн, ставя перед ним задачу, говорил: «Прозвище “святого”, с которым Александр Невский в свое время вошел в историю, необходимо раскрыть в качестве превосходной степени таких эпитетов, как “удалой”, “храбрый”, “мудрый”»⁵⁰. Следуя такой установке, актер, по его же словам, старался «снять с Александра “святой лик”»⁵¹. Сделать это действительно удалось: князь на экране представлен уверенным в себе, не знающим человеческих слабостей полководцем и правителем, но точно не святым. Благодаря гению Эйзенштейна и талантливой игре актеров в общественном сознании образ князя закрепился именно таким: Александр стал героем, утратив прежний «святой лик».

Но ведь и для этого имелась основа! Текст созданного в XIII в. жития с описанием подвигов князя и его воинов, прославление после Куликовской битвы, канонизация 1547 г., наконец, действия Петра и его преемников, — все это постепенно создавало светскую основу почитания Александра, которая в атеистическом

48. Федотов Г. П. Карл Маркс и Александр Невский // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 154–156. (Первая публикация в 1937 г. в газете «Новая Россия» — Р. С.).

49. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012.

50. Черкасов Н. К. Записки советского актера. М.: Искусство, 1953. С. 124.

51. Финогенов А. Новые роли Николая Черкасова // Комсомольская правда. 5 апр. 1938; Черкасов Н. Мои роли в 1938 году // Известия. 15 окт. 1938.

государстве и стала единственной составляющей исторической памяти о князе.

В первоначальном сценарии были прямые отсылки к некоторым из перечисленных выше узловым моментам формирования культа святого. Об этом прямо говорилось в предисловии к сценарию: «Плоды Ледового побоища Русь пожинала в течение многих столетий. Дмитрий Донской завершал на Куликовском поле начатое Невским, Петр начинал строительство флота с Переяславля и укрепления выходов к морю с устья Невы, на старых следах Александра. Перенесением костей (! — *Р.С.*) князя на место его победы над шведами, к Неве, Петр как бы подчеркнул, что прах народного героя может спокойно пребывать у берегов навечно добытого для России моря». Более того, в запланированном первоначально финале предполагалось показать победу на Куликовом поле, предтечей которой была политика Александра, что еще более подчеркнуло бы значение его как национального героя⁵².

Отметим, что большое значение имели включенные в фильм антифашистские мотивы: рыцари в определенные моменты сильно напоминали германских нацистов 1930-х годов. В этой связи следует упомянуть об одном казусе, связанном с утвердившемся мнением о якобы имевшем место запрете фильма в 1939 г. после заключения пакта Молотова — Риббентропа. Рекламные газетные объявления осени 1939 г. неопровержимо доказывают, что киносеансы во многих городах СССР не прекращались и после пакта⁵³, что не мешает историкам вновь и вновь тиражировать миф о якобы имевшем место запрете ленты. Отчасти «заслуга» в распространении этого «ляпа» лежит на Ф.Б. Шенке, ученом, безусловно, знакомом с материалами периодической печати, опровергающими это измышление, но по каким-то причинам не пожелавшем полностью его дезавуировать⁵⁴.

Еще более нелепо выглядит стремление Шенка доказать, что образ Александра Невского активно использовался советской пропагандой в годы Финской войны (1939–1940 гг.). Для этого немецкий исследователь привлек, например, отрывок из книги

52. Павленко П.А., Эйзенштейн С.М. Русь. Литературный сценарий // Знамя. 1937. № 12. С. 102–101, 136.

53. Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. С. 217.

54. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. С. 365.

Н.И. Сутта о походе 1256 г. в Финляндию⁵⁵, который, как оказалось, почти без изменений был списан советским автором из работы дореволюционного историка М. Хитрова⁵⁶. Такие казусы случались и в те годы, и Сутт, вероятно, надеялся, что его «хитрости» никто не заметит. Что же, во всяком случае с Шенком его расчет полностью оправдался. Нужно ли говорить, что Шенк проигнорировал и не вписывающиеся в его концепцию о тотальном использовании советской пропагандой образа Александра Невского мысли о вековом сотрудничестве русского и финского народов, которые содержались в выходивших в 1939–1940 гг. в СССР научных статьях⁵⁷.

Впрочем, все это детали, а главное заключалось в том, что уже в довоенные годы историческая память об Александре Невском формировалась не как о святом, а как о национальном герое. В годы Великой Отечественной войны такая практика закрепились и потом сохранялась вплоть до конца существования Советского Союза. Ее визуальным выражением стало, например, создание скульптурных композиций, на которых князь всегда был представлен исключительно в качестве воина⁵⁸.

На излете советского периода, с уходом идеологического атеизма, образ Александра Невского вновь постепенно стал обретать прежние черты святого. Этому во многом способствовала передача верующим в 1989 г. мощей святого, изъятых в 1922 г. В постсоветскую эпоху не только возрождались Александро-Невские храмы (здесь нет отличий от восстановления других церквей), но и вновь обрел актуальность исторический образ князя-инока. Можно сказать, что в настоящее время он стал частью исторической памяти о князе, дополняя представление о нем как о правителе и воине. Проследить это можно, в том числе обращая внимание на возведенные в последние годы монументы⁵⁹. По сути,

55. Там же. С. 399–400.

56. Сутт Н.И. Александр Невский. Ярославль: Облиздат, 1940. С. 100–101; Хитров М.И. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание. М.: Тип. И.Д. Сытина и Ко., 1893. С. 141–143.

57. См. например: Шаскольский И.П. 1) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII–XIV вв.) // Исторический журнал. 1940. № 4–5. С. 102–112; 2) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 90–92.

58. Соколов Р.А., Костыря М.А. Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 1. С. 110.

59. Там же. С. 111–114.

это своего рода возврат к истокам: от героя — к святому. Впрочем, рассмотрение культурологических проблем современности — в меньшей степени дело историка, потому целесообразно подвести некоторые итоги.

Выводы

Формированию почитания Александра Невского как святого существенное содействие оказал его современник — митрополит Кирилл. Этому способствовало создание жития князя, в котором был описан его жизненный путь — путь князя и воина. Важным моментом стало известие о принятии Ярославичем иноческого пострига. Это должно было подчеркнуть праведную жизнь и покаяние в тех грехах, которые все же были совершены. Следовательно, уже изначально в исторической памяти о князе имелись две составляющие: память о герое и о человеке праведной жизни, святом. Вторая из них нуждалась в «усилении», чему способствовало погребение князя в монастырском храме (исключительный акт, который до той поры не имел прецедентов для владимирских великих князей).

Исторически сложившийся образ Александра — великого князя — считался положительным. Его канонизация, совершенная в XIV в. на уровне Владимирской епархии, была связана с верой в его помощь Дмитрию Донскому в Куликовской битве. Последний не был прославлен как святой (до 1988 г.), и потому для Александра появление этого сюжета означало в какой-то степени сближение его исторического образа с памятью светского героя. Источники позволяют выявить уже в XIV в. положительное восприятие исторического опыта Александра как государственного правителя, что может свидетельствовать о наличии уже в ту эпоху некоторых сугубо светских черт исторической памяти о нем. В начале XV в. за ним закрепляется прозвание «Невский», доказывающее, что с исторической точки зрения его помнили именно как воителя.

Сказанное, конечно, не отменяет того, что ипостась святого оставалась абсолютно преобладающей. Следствием этого стало общерусское прославление Александра в 1547 г. Но оно же по факту стало дополнительным поводом для подтверждения прав Ивана Грозного на царский титул. Государь гордился родством со своим святым пращуром, имя которого тем не менее ставил в один ряд с неканонизированными предками.

Таким образом, церковная и светская составляющие исторической памяти об Александре, присутствовавшие еще в его житии, существовали уже в допетровское время, но, разумеется, при полном доминировании первой из них. Первый русский император способствовал большему церковному почитанию этого святого, но одновременно он и его преемники усиливали память о князе как о герое-правителе. Этому же способствовала все более тесная связь образа Александра с имперской идеологией, достигшая максимальной точки в конце XIX в.

По этой причине нет оснований трактовать актуальный для советского периода образ князя как воина изолированно от предыдущего периода. Начиная с 1930-х гг. власть полностью исключила все упоминания о церковном почитании князя, оставив воспоминания о его воинских подвигах. Парадоксально, но важнейшей источниковой основой для этого было... все то же житие. В сценарии картины С.М. Эйзенштейна об Александре, в которой Н.К. Черкасовым был создан своего рода эталонный для того времени образ князя, подчеркивалась историческая преемственность такой трактовки, в частности, ее связь с деяниями Петра I. Такая «модель» восприятия Александра Невского в советский период оставалась неизменной, и она принципиально не менялась под воздействием каких-либо политических факторов. В частности, не было попыток откорректировать ее в годы советско-финской войны.

В исторической памяти российского общества такое представление об Александре Невском сохранило актуальность, однако отказ от государственной идеологии атеизма имел своим следствием то, что о князе вновь и все чаще стали вспоминать как о святом. Эта составляющая все более прочно входит в историческую память о нем. Тем не менее светский характер общества и государства позволяет говорить о том, что данная составляющая в представлении наших современников о князе вряд ли станет доминирующей.

Библиография/ References

Источники

НПЛ — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов

НПЛ / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Отдел рукописей РНБ. Ф. 885. ОР Эрм. 440. Корень Российских государей: Лицевая рукопись. (Царский титулярник.) 1673 г.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ. Т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962.

ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. III. 1689–1699. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии. 1830.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. III. 1723. СПб.: Синодальная тип., 1875.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. IV. 1724–1725, января 28. СПб.: Синодальная тип., 1876.

Периодика

Знамя. 1937.

Известия. 1938.

Комсомольская правда. 1938.

Литература

Абраменко Н. М. Образ Александра Невского в древнерусском искусстве // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах / Науч. ред. Ж. Г. Белик, Р. А. Соколов. М.: Лето, 2021. С. 490–577.

Абрамович Г. В. Князя Шуйские и Российский трон. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991.

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 325–426.

Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 163–171.

Бегунов Ю. К. Образ Александра Невского в станковой живописи XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXII / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Наука, 1966. С. 311–326.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Земли Русской». М.; Л.: Наука, 1965.

Брачев В. С. «Дело историков». 1929–1931 гг. СПб.: Нестор, 1997.

Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 3 / Под ред. К. Н. Тихонравова. Владимир: Губернская тип., 1864. С. 1–46.

Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский. (Опыт историко-критического исследования). Окончание // Революция и Церковь. 1919. № 6–8. С. 24–50.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1998.

Григорий Угрюмов. 1764–1823. Выставка (2014–2015): каталог выставки / ред. А. Лакс. СПб: Palace Editions, 2014.

- Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е гг. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 190–203.
- Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.
- Кривошеев Ю. В. Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012.
- Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Вып. I. М.: Ин-т русской истории, 1990. С. 15–69.
- Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1913.
- Миرونенко Д. Г. Образ Александра Невского в русском искусстве XVI — начала XXI в. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, 2021.
- Нестеренко А. Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 103–114.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.: Наука, 1993.
- Постановление Жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. Сборник. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1946. С. 31–38.
- Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. СПб.: Богородский печатник, 1998.
- Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193.
- Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб.; М.: Альянс-Архео, 2010. С. 167–168 и др.
- Соколов Р. А. Александр Невский и Русская Православная Церковь // Александр Невский. Государь, дипломат, воин / сост. В. И. Уколова; отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Р. Валент, 2010. С. 181–196.
- Соколов Р. А. Вскрытие мощей Александра Невского: «актуальные» фальсификации уголовного дела 1922 года // Богослов.ру. 1.10.2021 [https://bogoslov.ru/article/6170493, доступ от 20.11.2021]
- Соколов Р. А. Жизнь после смерти: прославление Александра Невского в лике святых // Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на небесах / Науч. ред. Ж. Г. Белик, Р. А. Соколов. М.: Лето, 2021. С. 198–241.
- Соколов Р. А., Костыря М. А. Историческая память об Александре Невском: скульптурная визуализация // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 1. С. 95–123.
- Соколов Р. А., Мещенина А. А. Историческая память об Александре Невском в эпоху Петра I и его преемников // Canadian-American Slavic Studies. 2018. Vol. 52. Is. 4. Pp. 369–385.
- Сталин И. В. К вопросам ленинизма // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1947. С. 136–145.
- Сутт Н. И. Александр Невский. Ярославль: Облиздат, 1940.
- Тихонравов К. Н. Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир: Фолиант, 2002.

- Федотов Г. П. Карл Маркс и Александр Невский // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 154–156.
- Филимонов А. В. «Ледовое побоище» в псковской краеведческой литературе 1920–1930-х годов // Святой благоверный князь Александр Невский: история и современность. Мат-лы VII Международных Александро-Невских чтений. 15–16 июня 2016 г./ под ред. А. В. Филимонова. Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2016. С. 20–23.
- Хитров М. И. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание. М.: Тип. И. Д. Сытина и Ко., 1893.
- Черкасов Н. К. Записки советского актера. М.: Искусство, 1953.
- Шаскольский И. П. 2) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 90–92.
- Шаскольский И. П. Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII–XIV вв.) // Исторический журнал. 1940. № 4–5. С. 102–112.
- Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Шляпкин И. А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915.

Historical sources

- NPL — Novgorodskaja Pervaia letopis' Starshego i Mladshego izvodov [The Novgorod First Chronicle]
- Nasonov, A. N. (ed.) NPL. M.; L., 1950.
- OR RNB — Department of Manuscripts of the National Library of Russia.
- OR RNB. F. 885. OR Jerm. 440.
- PSRL — Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]
- PSRL. Vol. I. Lavrent'evskaia letopis' [Laurentian Codex]. M., 1962.
- PSRL. Vol. VIII. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Annals on the Resurrection list]. SPb., 1859.
- PSRL. Vol. XXVII. Nikanorovskaia letopis'. Sokrashhennye letopisnye svody konca XV v. [Nikanorovskaya chronicle. Abbreviated chronicles of the late 15th century]. M.; L., 1962.
- PSRL. Vol. VI. Sofiiskie letopisi [The Sofia Chronicles]. SPb., 1853.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649] Vol. III. 1689–1699. SPb., 1830.
- Polnoe sobranie postanovlenii i rasporiazhenii po vedomstvu Pravoslavnogo ispovedaniia Rossiiskoi imperii [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox faith of the Russian Empire]. Vol. III. 1723. SPb., 1875.
- Polnoe sobranie postanovlenii i rasporiazhenii po vedomstvu Pravoslavnogo ispovedaniia Rossiiskoi imperii [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox faith of the Russian Empire]. Vol. IV. 1724–1725, janvarja 28. SPb., 1876.

Periodic

- Izvestiia [Izvestia]. 1938.
- Komsomol'skaia Pravda [Komsomolskaya Pravda]. 1938.
- Znamia [Znamya]. 1937.

Literature

- Abramenko, N. M. (2021) "Obraz Aleksandra Nevskogo v drevnerusskom iskusstve" [The image of Alexander Nevsky in ancient Russian art], in R. Sokolov, Zh. Belik (eds.) *Blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: Blistaiia slavoïu na zemle i na nebesakh*, pp. 490–577. M.
- Abramovich, G. V. (1991) *Kniaz'ia Shuiskie i Rossiiskii tron* [Princes Shuisky and the Russian throne]. L.
- Bassevich, G.-F. (2000) "Zapiski grafa Bassevicha, sluzhashhie k poiasneniiu nekotorykh sobytii iz vremen tsarstvovaniia Petra Velikogo" [Notes of Count Bassevich, serving to explain some events from the time of the reign of Peter the Great], in *Iunost' derzhavy*, pp. 325–426. M.
- Begunov, Iu. K. (1995) "Zhitie Aleksandra Nevskogo v russkoi literature XIII–XVIII vv." [The life of Alexander Nevsky in Russian literature of the 13th–18th centuries], in Iu. Begunov, A. Kirpichnikov (eds.) *Knjaz' Aleksandr Nevskij i ego epokha. Issledovaniia i materialy*, pp. 163–171. SPb.
- Begunov, Iu. K., Kirpichnikov, A. N. (eds) (1995) "Zhitie Aleksandra Nevskogo. Pervaia redaktsiia. 1280-e gg." [Life of Alexander Nevsky. First edition. 1280s], in *Knjaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniia i materialy*, pp. 190–203. SPb.
- Begunov, Iu. K. (1966) "Obraz Aleksandra Nevskogo v stankovoi zhivopisi XVII v." [The image of Alexander Nevsky in easel painting of the 17th century], in D. Likhachev (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Vol. XXII*, pp. 311–326. M.; L.
- Begunov Iu. K. (1965) *Pamiatnik russkoi literatury XIII v. «Slovo o pogibeli Zemli Russkoi»* [Monument of Russian literature of the 13th century. "A word about the destruction of the Russian Land"]. M.; L.
- Brachev, V. S. (1997) "Delo istorikov". 1929–1931 gg. ["The case of historians". 1929–1931]. SPb.
- Cherkasov, N. K. (1953) *Zapiski sovetskogo aktera* [Notes of a Soviet actor]. M.
- Fedotov, G. P. (1990) "Karl Marks i Aleksandr Nevskii" [Karl Marks and Alexander Nevsky], *Voprosy filosofii* 8: 154–156.
- Filimonov, A. V. (2016) "Ledovoe poboishhe' v pskovskoi kraevedcheskoi literature 1920–1930-kh godov" ["Battle on the Ice" in the Pskov local history literature of the 1920s–1930s] in A. Filimonov (ed.) *Sviatoi blagovernnyi kniaz' Aleksandr Nevskii: istoriia i sovremennost'. Mat-ly VII Mezhdunarodnykh Aleksandro-Nevskikh chtenii. 15–16 iunია 2016 g.*, pp. 20–23. Pskov.
- Gorev, M. (1919) "Troitskaia lavra i Sergii Radonezhskii. (Opyt istoriko-kriticheskogo issledovaniia). Okonchanie" [The Trinity Lavra and St. Sergius of Radonezh. (Experience of historical-critical research). The ending], *Revoliutsia i Tserkov'* 6–8: pp. 24–50.
- Golubinskii, E. E. (1998) *Istoriia kanonizatsii sviatykh v Russkoi Tserkvi* [History of the canonization of saints in the Russian Church]. M.
- Isoaho, M. (2006) *The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint*. Leiden; Boston: Brill.
- Khitrov, M. I. (1893) *Sujatoi blagovernnyj velikii kniaz' Aleksandr Iaroslavich Nevskij. Podrobnoe zhizneopisanie* [Holy Noble Grand Prince Alexander Yaroslavich Nevsky. Detailed biography]. M.
- Krivosheev, Iu. V., Dvornichenko, A. Iu. (1994) "Izgnanie nauki: rossiiskaia istoriografiia v 20-kh — nachale 30-kh godov XX v." [The Expulsion of Science: Russian Historiography in the 1920s — early 1930s], *Otechestvennaia istoriia* 3: 143–158.

- Krivosheev, Iu. V., Sokolov, R. A. (2012) "*Aleksandr Nevskii*": *sozdanie kinoshedevra. Istorieskoe issledovanie* ["Alexander Nevsky": creation of a film masterpiece. Historical research]. SPb.
- Kuchkin, V. A. (1990) "Mongolo-tatarskoe igo v osveshhenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII — pervaya chetvert' XIV v.)" [The Mongol-Tatar yoke in the coverage of ancient Russian scribes (13th — first quarter of the 14th century)], in *Russkaia kul'tura v usloviakh inozemnykh nashestvii i vojn. X — nachalo XX v. Vol. I.*, pp. 15–69. M.
- Laks, A. (ed.) (2014) *Grigorii Ugriumov. 1764–1823. Vystavka (2014–2015): katalog vystavki* [Grigory Ugriumov. 1764–1823. Exhibition (2014–2015): exhibition catalog]. SPb.
- Lur'e, Ia. S., Rykov, Iu. D. (eds.) (1993) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Prince A. M. Kurbsky with Tsar Ivan the Terrible]. M.
- Mansikka, V. (1913) *Zhitie Aleksandra Nevskogo: Razbor redaktsii i teksty* [Life of Alexander Nevsky: Analysis of editions and texts]. SPb.
- Mironenko, D. G. (2021) *Obraz Aleksandra Nevskogo v russkom iskusstve XVI — nachala XXI v.* [The image of Alexander Nevsky in Russian art of the 16th — early 21st century] SPb.
- Nesterenko, A. N. (2017) "Lozhnye narrativy biografii Aleksandra Nevskogo v otechestvennoi istoriografii" [False narratives of the biography of Alexander Nevsky in Russian historiography], *Voprosy istorii* 1: 103–114.
- "Postanovlenie Zhiuri pravitel'svennoi komissii po konkursu na luchshii uchebnik dlja 3 i 4-go klassov srednej shkoly po istorii SSSR" [Resolution of the Jury of the Government Commission on the competition for the best textbook for the 3rd and 4th grades of secondary schools on the history of the USSR] (1946), in *K izucheniiu istorii. Sbornik*, pp. 31–38. M.
- Presniakov A. E. (1998) *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva* [The formation of the Great Russian state]. SPb.
- Shaskol'skii, I. P. (1940) "Bor'ba Novgoroda so Shveciei pered Nevskoi bitvoi" [The fight between Novgorod and Sweden before the Battle of the Neva], *Voenno-istoricheskii zhurnal* 7: 90–92.
- Shaskol'skii, I. P. (1940) "Bor'ba shvedskikh krestonoscev protiv Finliandii (XII–XIV vv.)" [The struggle of the Swedish crusaders against Finland (XII–XIV centuries)], *Istorieskii zhurnal* 45: 102–112.
- Shenk, F. B. (2007) *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati. Sviatoi, pravitel', nacional'nyi geroi. (1263–2000)*. [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory. Saint, ruler, national hero. (1263–2000)]. M.
- Shliapkin, I. A. (1915) *Ikonografiia sviatogo blagovernogo velikogo kniazia Aleksandra Nevskogo* [Iconography of Holy Noble Grand Prince Alexander Nevsky]. Pg.
- Sirenov, A. V. (2017) "O prozishhakh drevnerusskikh kniazei" [About cognomens of Old Russian princes], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* 2: 184–193.
- Sirenov, A. V. (2010) *Stepennaia kniga i russkaia istoricheskaia mysl' XVI–XVIII vv.* [The degree book and Russian historical thought of the 16th–18th centuries]. SPb.
- Sirenov, A. V. (2016) "The legitimation of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky", *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1(19): pp. 100–109.
- Sokolov R. A. (2010) "Aleksandr Nevskii i Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'" [Alexander Nevsky and the Russian Orthodox Church], in V. Ukolova, A. Torkunov (eds) *Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn*, pp. 181–196. M.

- Sokolov, R. A. (2021) "Vskrytie moshhei Aleksandra Nevskogo: 'aktual'nye' fal'sifikatsii ugodnogo dela 1922 goda" [Autopsy of the relics of Alexander Nevsky: "actual" falsifications of the 1922 criminal case], *Bogoslov.ru*. 1.10.2021 [https://bogoslav.ru/article/6170493, accessed on 20.11.2021]
- Sokolov, R. A. (2021) "Zhizn' posle smerti: proslavlenie Aleksandra Nevskogo v like svjatykh" [Life after death: the glorification of Alexander Nevsky in the face of saints], in R. Sokolov, Zh. Belik (eds) *Blagovernyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: Blistaia slavoju na zemle i na nebesakh*, pp. 198–241. M.
- Sokolov, R. A., Kostyria M. A. (2021) "Istoricheskaia pamiat' ob Aleksandre Nevskom: skul'pturnaia vizualizatsiia" [Historical memory about Alexander Nevsky: sculptural visualisation], *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki* 1: 95–123.
- Sokolov, R. A., Meshhenina, A. A. (2018) "Istoricheskaia pamiat' ob Aleksandre Nevskom v jepokhu Petra I i ego preemnikov" [Historical memory of Alexander Nevsky in the era of Peter I and his successors], *Canadian-American Slavic Studies* 52(4): pp. 369–385.
- Stalin, I. V. (1947) "K voprosam leninizma" [Problems of Leninism], in I. Stalin (ed.) *Vo-prosy leninizma*, pp. 136–145. M.
- Sutt, N. I. (1940) *Aleksandr Nevskii* [Alexander Nevsky]. Iaroslavl'.
- Tikhonravov, K. N. (2002) *Bogorodice-Rozhdestvenskii monastyr' vo Vladimire* [Theotokos-Rozhdestvensky monastery in Vladimir]. Vladimir.
- Tikhonravov, K. N. (ed.) (1864) "Vkladnaia kniga Vladimirskogo Rozhdestvenskogo monas-tyria" [Attachment book of the Vladimir Rozhdestvensky monastery], in *Trudy Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 3, pp. 1–46. Vladimir.